

От всей души

Петр
ПРОСКУРИН

ПОСТИЖЕНИЕ
ВЕКА

Рождались и умирали люди, вспыхивали войны и революции; время от времени народные массы выходили из своих привычных берегов, и тогда отдельная человеческая судьба, даже самая беззащитная и незаметная, раскрывала в себе всю ярость и противоречивость бытия...

В этот век степь по весне также буйно охватывалась таинственной жизнью трав, а в донских зеленых глубинах ошалело бились просыпавшиеся от зимней спячки сазаны; свершался извечный круговорот жизни и смерти, но для природы, для бытия уход одного и приход другого никогда не был трагедией, а лишь закономерным ритмом мироздания, его гармонией, с изначально заложенной в ней цикличностью сменности.

Художник, призванный бестрашно отразить свой век в его главных болевых про-

явлениях, рождается крайне редко; он вызревает и развивается по своим, каким-то совершенно особым законам; вдруг появляется в жизни вроде бы ни с того ни с сего, в общем-то, вроде бы мало чем отличающийся от других паренек по имени Михаил Шолохов; но в том и суть, что в нем уже присутствует таинственное нечто, призванное со временем постигнуть и выразить душу своего народа, народа со сложной историей и судьбой. Шолохов во всей своей трагедийности появился именно потому, что созрела сама душа народа в желании осознать себя и свой путь в один из самых ответственных моментов истории, и созрела она, эта непостижимая душа, не от благополучия и пресыщения, а от разверзшихся путей в неведомое, от раскинувшихся перед ней девственных материков строительства — грандиозного, небывалого и неведомого, все должно было достигаться в процессе.

И вот на изломе истории явился Григорий Мелехов — образ удивительной теплоты, человечности и контрастов, образ, в котором художник со всем присутствующим талантом презрением сталкивает стихийное народное начало и необходимые осмысления иных социальных горизонтов, сталкивает две эпохи: одну — преросшую в толщу тысячелетий и вторую — несущую в себе младен-

ческое зерно, правда, с бесконечным потенциалом развития, тем самым предопределившим ожесточенность столкновения и предстоящей борьбы. И этот образ, не смотря на свою эпичность, вовсе не отлитая в бронзу фигура, лишенная дальнейшего движения, — тем и удивителен Григорий Мелехов, что он, как и сама жизнь, таит в себе дальнейшую возможность духовного развития; художник не перечеркивает уже состоявшиеся достижения, а тщательно и терпеливо рассматривает, как на древнем столбе, уходящем своими мощными корнями в толщу эпох, пролевывается и начинает бурно развиваться новый побег, как одни и те же соки земли дают совершенно иные, ниному не астрелившиеся досель, оттого и притягивающие, и пугающие плоды. Что ж, вновь происходит вполне закономерная смена более низшей формы высшей, но мудрость художника именно в том и состоит, чтобы отразить жизнь человека неотъемлемо от хода времени, во всей полноте бытия.

Вровень с образом Григория Мелехова, вошедшим в бессмертный ряд образов мировой литературы, встали образы Аксиньи и деда Щукаря — образы, в которых с огромной создающей силой, разумеется, в каждом поразном, преломилось трагическое звучание эпохи.

Есть и еще один образ, без которого нельзя было бы говорить о Шолохове, как о художнике огромного эпического звучания, и это образ народа в его творчестве, много-

слойного, разноголосого и — устремленного в будущее; Шолохов создал неповторимый образ народа как стихии, вечно обновляющейся. На этих примерах видно, что такие художники, как Шолохов, мало зависят от обычного суетного суда современников; помимо своей воли они исполняют идею, вложенную в них самим народом; им нельзя ни льстить, ни завидовать, они сами свой суд и свое наказание. Всю меру собственного мучанического суда прошли каждый в свой час Гоголь, Достоевский, Толстой, Лесков; двадцатый век в русской прозе ознаменован присутствием Шолохова, всегда несущего в своем творчестве свет народной души и щедро засевающего родную землю, не раз оскудевавшую, выветривавшуюся в результате невиданных потрясений и бурь, поднимавшихся и внутри России по вечному ходу развития жизни, но чаще налетающих из-за кордонов и чужих морей, — засевающий эту, бывало, изнемогавшую землю верой в силу и конечную правоту народа, указывающий на глубины народного бытия, где единственно возможно обрести спасение и прозрение — Шолохов призван самой душой народа и в своем творческом самосожжении не принадлежит сам себе. Душа каждого такого художника —

результат долгого исторического пути народа, здесь не может быть прямолинейных мерок и суждений, и хотя о Шолохове много сказано, всеобъемлющая оценка явлений такого порядка за будущим, часто необозримо далеким. Потому что жизнь каждого отдельного человека, часто не выходящего в поступках и в мыслях за рамки необходимого, не может вместить в себя и хотя бы в малой части осмыслить результат целых исторических эпох, переполненных глобальными конфликтами, раздирающими противоречиями и потрясениями; явление таких художников — грозный знак и предупреждение, призыв взглянуть не только далеко окрест, но и в самого себя и глубоко задуматься...

Буйно идет по Дону май, в разноцветье донская степь, и уже отзвучали первые грозы, пролились на землю теплые, плодоносящие дожди. Неостановима лавина жизни, и из самых глубин встречают нас и провожают непрощающие глаза призванного художника; сила горькая и целительная, не только врачующая душу человека, но организующая суть души народа.

Полыхает на земле тихим буйством еще одна весна, родился Шолохов.